

Николай Стэф

Спящие боги 3

Мрак

Николай Стэф
Спящие боги 3 Мрак

«Автор»

2026

Стэф Н.

Спящие боги 3 Мрак / Н. Стэф — «Автор», 2026

Третья книга цикла "Мрак" — финал истории Тени, где ставки достигают предела. Клин и Ольга вырвались из базы СОБР, но цена свободы оказалась слишком высокой: Полковник мёртв, они в розыске за убийство, которого не совершали. Клин, получивший новые лёгкие и вживлённое нейроядро, теперь управляет гигантским «Колоссом» силой мысли. Но их убежище — лишь временная передышка. Тень выжила. Заражённая грибком, она нашла новое убежище — лабораторию БИОХИМ 19, где в довоенные времена разрабатывали биологическое оружие. Объединившись с коллективным разумом грибка, она создаёт новый план: построить биоорганический скафандр «Мрак», который невозможно перехватить. Для этого она захватывает целые племена, превращая людей в биомассу для своего чудовищного творения. Смогут ли герои закончить то, что началось сотни лет назад?

© Стэф Н., 2026

© Автор, 2026

Николай Стэф

Спящие боги 3 Мрак

Глава 1

Побег из «рая» СОБР сразу пошёл не по плану.

Ещё час назад Ольга сидела в тесной каморке техников, перед тем как пошла с Полковником и Клином, медицинский блок и просчитывала маршруты, отмечая на карте запасные выходы, вентиляционные шахты и зоны слепых пятен камер на базе Собирателей технологий (СОБР). Она заготовила три варианта отхода — спокойный, быстрый и «апокалиптический», если всё рухнет в одну секунду. Но смерть Полковника перечеркнула все эти схемы, словно кто-то провёл по ним жирной красной линией.

Каморка техников была маленькой, заставленной ящиками с инструментами и старыми деталями, пахло машинным маслом и озоном. Ольга сидела на перевёрнутом ящике, склонившись над голографической картой, которая мерцала тусклым голубым светом. Её пальцы скользили по поверхности, перемещая точки маршрутов, вычисляя время, расстояние, количество охранников на постах. Она работала быстро, точно, как шахматистка, которая просчитывает партию на десять ходов вперёд.

Она не любила планировать. Любить планирование могут только те, у кого нет другого выбора. А у Ольги выбора не было — она должна была вытащить Клина из этого ада, даже если для этого ей придётся сжечь всё, что осталось от СОБР.

Первый маршрут был спокойным: через технические коридоры, мимо столовой, через старую вентиляционную шахту, которая выводила к ангару. Второй — быстрый: через центральный зал, где всегда было много людей, но где они могли затеряться в суматохе. Третий — «апокалиптический»: через реакторный отсек базы, с риском облучения и вероятностью вызвать цепную реакцию если по пути что-то не, то зацепить. Она держала его в уме, как запасной вариант на случай, если всё пойдёт совсем плохо.

Но смерть Полковника перечеркнула всё.

Всё случилось стремительно.

Полковник, единственный, кто хоть как-то сдерживал худшие инстинкты людей на базе Собирателей технологий (СОБР), был убит в собственном командном центре. Ольга видела это своими глазами — как плазменный заряд ударил ему в спину, как он рухнул на пол, как его глаза встретились с её глазами в последний раз. В них не было страха, только горькое понимание: он знал, что так будет. Знал, что Стоун не остановится ни перед чем.

И никто не видел, как это сделал майор Стоун — зато всё видела Ольга. Она стояла в тени, прижавшись к стене, и смотрела, как он поднимает пистолет, как целится, как стреляет. Она видела, как Полковник падает, как его тело содрогается от удара, как он шепчет последние слова, обращённые к ней: «Прости... Я верил... что мы...»

Стоун всё подстроил так, чтобы все думали именно на них. Он знал, что Ольга и Клин — чужаки, что им никто не поверит, что их обвинят в убийстве командира. Он уже продумал каждое слово, каждое движение, каждый шаг. Он был готов стать героем, который отомстил за смерть Полковника, который очистил базу от предателей.

Но он не учёл лишь одного: Ольга умела не только планировать, но и мстить.

Когда она увидела, как Стоун направляет пистолет, она не думала. Она просто рванулась к экзоскелету, запустила протокол «Пехотинец» и сжала его в своих манипуляторах так, что его броня смялась, как фольга. Стоун даже не успел закричать — всё закончилось за долю секунды.

Но это ничего не меняло. Стоун был мёртв, но его ложь осталась. Для солдат СОБР Клин и Ольга стали предателями, которые убили их командиров.

Тем временем Клин тяжело вылезал из медицинской капсулы.

Его тело болело так, будто его пропустили через пресс: каждая мышца ныла, суставы скрипели, а кожа казалась чужой. Он чувствовал, как его новые лёгкие наполняются воздухом — чистым, прохладным, без той боли, которая мучила его годами. Это было странное ощущение — дышать свободно, не чувствуя, как каждый вдох превращается в пытку.

Так же он мог двигаться — и это уже было важно. Его руки и ноги слушались, его голова была ясной, а сердце билось ровно и мощно. Он сел на край капсулы, свесил ноги, чувствуя, как холодный металл пола касается его ступней, и попытался осознать, что произошло.

В голове звучал голос Кречета, теперь навсегда вживлённый в его сознание. Голос был тихим, спокойным, как будто они сидели в баре, а не на базе, где каждую секунду могли ворваться солдаты.

— Не паникуй, — говорил Кречет. — Это не раздвоение личности. Это просто я. Я буду помогать, но не буду мешать. Думай обо мне как о внутреннем голосе, который всегда говорит правильные вещи, но иногда может быть занудным.

Клин поморщился, чувствуя, как его голова пульсирует от напряжения. Он сжал виски пальцами, пытаясь успокоить мысли.

— Ты серьёзно? — спросил он тихо. — Я только что очнулся, в моей голове кто-то разговаривает, а ты предлагаешь мне не паниковать?

— А что ты хочешь? — голос Кречета звучал спокойно, почти насмешливо. — Чтобы я спел тебе колыбельную? Или объяснил, как работают твои новые лёгкие? Поверь, я знаю, о чём говорю. Я был в твоей ситуации — когда ты просыпаешься и понимаешь, что стал кем-то другим.

— Ты был в моей ситуации? — переспросил Клин, чувствуя, как его раздражение растёт. — Ты был мёртв, Кречет. Ты был цифровой копией в нейроядре.

— Технически, да, — согласился Кречет. — Но я тоже просыпался после синхронизации. И поверь, чувство, что ты перестал быть просто человеком, не самое приятное. Но ты привыкнешь. Все привыкают.

Клин покачал головой, чувствуя, как внутри него закипает гнев.

— Я не хочу привыкать, — сказал он. — Я хочу быть собой. Просто собой.

— Боюсь, этого уже не будет, — ответил Кречет, и в его голосе послышалась грусть. — Но это не значит, что ты перестал быть человеком. Ты просто стал больше, чем человек. А это уже неплохо.

Клину казалось, что у него действительно начинается раздвоение: в висках стучало, перед глазами мелькали чужие воспоминания — обрывки полётов, тренировок, боёв. Он видел небо, которое никогда не видел, слышал голоса, которые никогда не слышал, чувствовал страх, который никогда не чувствовал.

Но Кречет сдержал слово: он замолчал, оставив Клина наедине с новыми ощущениями. Так было проще.

Ольга подбежала к нему, её лицо было бледным, но решительным. Она схватила его за плечи, вглядываясь в его глаза, и начала говорить быстро, сбивчиво, как будто боялась, что у неё не хватит времени.

— Полковник мёртв, — сказала она, её голос дрожал, но она старалась говорить твёрдо. — Стоун подстроил всё так, что все будут думать, что это сделали мы. Я убила Стоуна, но это ничего не меняет. Для всех мы — предатели.

Клин попытался осознать услышанное. Мир вокруг словно стал громче: сирена выла в коридорах, её звук вибрировал в костях, а по внутренней связи раздавались отрывистые приказы.

— Я успела отключить связь в медицинском блоке, — продолжала Ольга, её голос стал тише, но более напряжённым. — Но это надолго не поможет. Через пару минут они поймут, что тут что-то не так, и пришлют отряд.

— Они уже идут сюда, — сказала Ольга, прислушиваясь. — В медицинский блок. И задавать вопросов не будут.

Клин почувствовал, как его сердце забилося быстрее. Он встал, чувствуя, как его новые ноги держат его вес, как его новые лёгкие наполняются воздухом без усилий.

— И что мы будем делать? — спросил он, и его голос звучал хрипло.

— У нас есть несколько минут, — ответила Ольга, её глаза блеснули. — Мы должны добраться до ангара, а оттуда к выходу.

В этот момент в голове Клина снова прозвучал голос Кречета — тихо, но чётко:

— Твои новые лёгкие и вживлённое нейроядро — это не просто улучшения. Теперь ты можешь управлять механизмами, даже не подключаясь к внешнему интерфейсу, заботиться о том, чтобы найти разём для подключения нейроядра — теперь оно сделает всё автоматически, если у механизма есть такая возможность. Просто почувствуй их.

Клин закрыл глаза на секунду, пытаясь сосредоточиться. Он не чувствовал нейроядро как что-то отдельное — оно стало частью его самого, словно ещё один нерв, ещё один орган. Он не видел его, не слышал, но знал: оно есть. И оно работает.

— Что ты делаешь? — спросила Ольга, глядя на него с тревогой.

— Пытаюсь понять, что я могу, — ответил Клин, открывая глаза. — Нейроядро внутри меня. Оно может помочь.

Из коридора, ведущего к медицинскому блоку, доносились тяжёлые шаги. Солдаты СОБР приближались — быстро, слаженно, без лишних слов. Клин и Ольга понимали: у них есть считанные минуты, чтобы выбраться из базы, пока их не схватили.

Она схватила Клина за руку, её пальцы впились в его кожу, будто она боялась, что он исчезнет.

— Нам нужно уходить, — прошептала она. — Сейчас.

Клин кивнул, чувствуя, как адреналин заливает его тело, как его новые мышцы напрягаются, готовые к действию.

— Я знаю, куда идти, — сказал он, открывая глаза. Его голос звучал твёрже, чем раньше.

— Я знаю, где находится ангар с техникой.

— за ним как раз находится один из выходов с базы.

— Ты видел его? — спросила Ольга.

— Да, видел, — ответил Клин, касаясь виска. — Нейроядро показывает мне карту базы, как будто я в нейрошлеме. Я вижу каждый коридор, каждую дверь.

Они бросились к боковой двери — система безопасности щёлкнула, и створка отъехала в сторону. В коридоре уже слышались крики и топот ног. Солдаты были близко.

— Быстрее! — крикнула Ольга, толкая Клина вперёд.

Они нырнули в тёмный проход, и дверь за ними закрылась, отрезая их от преследователей.

Глава 2

Коридоры базы СОБР тянулись бесконечными бетонными кишками, освещёнными тусклыми лампами, которые мигали в такт тревожной сигнализации. Красный свет пульсировал в такт сирене, и казалось, что сама база пульсирует, как живое сердце, гнавшее по своим венам не кровь, а страх и смерть. Клин и Ольга бежали, прижимаясь к стенам, стараясь не попадать в лучи прожекторов, скользя между тенями, как призраки.

Но в груди у Клина теперь было не то знакомое, давящее чувство, будто кто-то сжимает лёгкие тисками. Теперь каждый вдох был чистым, глубоким, словно он впервые в жизни по-настоящему дышал. Его новые лёгкие работали идеально: воздух вливался в них, как вода в чистый ручей, не встречая сопротивления. Он чувствовал невероятную лёгкость — будто сбросил с плеч груз, который носил годами.

Он понимал: медицинская капсула не просто заменила его лёгкие. Она использовала нанотехнологии для моментальной регенерации тканей. Пока он лежал внутри прозрачного саркофага, по его венам текли крошечные машины — нанороботы, размером меньше пылинки. Они проникали в каждую клетку, восстанавливая повреждённые участки, убирая рубцы, возвращая тканям прежнюю структуру. Клин помнил, как сначала ощущал странное покалывание, будто по коже бежали тысячи мурашек, а потом — тепло, растекающееся по всему телу.

Это тепло было похоже на то, которое он чувствовал, когда солнечный свет касался его лица в пустыне, только мягче, глубже. Оно проникало в его грудь, в его лёгкие, в каждую клетку, и он чувствовал, как они обновляются, как старая боль уходит, как его тело становится новым. Он видел сквозь стекло капсулы, как его раны затягиваются, как кожа становится гладкой, исчезают шрамы, которые носил годами.

Нанороботы работали с идеальной точностью. Они не просто заживляли — они восстанавливали. Клин чувствовал, как его лёгкие наполняются воздухом полной грудью, без хрипов, без боли, без страха, что каждый вздох может стать последним. Это было как первое дыхание после долгого пребывания под водой — освобождение, которое он не мог описать словами.

Эти же нанороботы начали встраивать нейроядро в его нервную систему. Сначала это было едва уловимо — лёгкое давление в затылке, будто кто-то осторожно касался его мыслей. Клин не мог понять, что это, и пытался стряхнуть ощущение, но оно возвращалось снова и снова. Потом — более чёткие ощущения: пульсация в висках, синхронизация ритма сердца с ритмом нейроядра. Оно становилось частью его тела, не чужим предметом, а продолжением его самого.

Клин чувствовал, как тонкие нити наноструктур проникают в спинной мозг, соединяя его с технологией, делая его проводником между человеком и машиной. Это было похоже на то, как если бы ему вживили новый орган, который он не мог видеть, но чувствовал — его присутствие, его пульс, его голос. Он слышал Кречета не ушами, а чем-то внутри, где-то глубоко, где начиналась его собственная мысль.

Менее чем через час после операции он уже мог двигаться. Раны, которые раньше заживали неделями, стягивались на глазах. Шрамы разглаживались, кожа становилась гладкой, словно время отматывалось назад. Это была не просто медицина — это был скачок в будущее, и теперь Клин был его частью. И этой технологией владел только СОБР. Вот почему Клин смог ей воспользоваться только при личном участии Полковника. Простых людей к ней не подпускали.

Клин бежал и чувствовал, как его новые лёгкие работают, как они наполняются воздухом. Он был быстрее, легче, сильнее, чем когда-либо. И этот страх, который он носил с собой годами — страх, что каждый вздох может стать последним, — исчез. Теперь он мог дышать. Мог жить.

Они бежали по коридору, когда впереди послышался топот сапог и лязг оружия. Патруль СОБР.

Клин и Ольга замерли, прижавшись к стене. Из-за поворота показались фигуры в броне — пятеро солдат, вооружённых импульсными винтовками. Их шлемы сканировали пространство, глаза приборов искали малейшее движение. Красные лучи прожекторов скользили по стенам, по полу, по потолку — и Клин чувствовал, как его сердце начинает биться быстрее.

— Они нас ищут, — прошептала Ольга, её голос дрожал, но в нём чувствовалась решимость. — Видимо, Стоун успел отдать приказ дистанционно перед тем, как я до него добралась: задержать или ликвидировать нас.

Клин сжал кулаки. Он знал: если их поймают, второго шанса не будет.

Патруль приблизился. Один из солдат остановился прямо напротив ниши, где прятались Кли́н и Ольга. Его шлем медленно повернулся в их сторону, сканируя пространство. Кли́н задержал дыхание, чувствуя, как нейроядро пульсирует в такт его сердцу. В этот момент он ощутил странную связь с техникой вокруг — будто мог почувствовать каждый провод, каждый датчик, каждую схему.

Он почувствовал их — четыре винтовки, приборы ночного видения, систему связи в шлемах. Он не видел их, но знал, где они находятся. Нейроядро внутри него пульсировало, открывая ему доступ к технологиям, которые были вокруг. Он мог чувствовать их так же, как чувствовал собственное тело — как часть себя.

Солдат сделал шаг вперёд, его винтовка поднялась. Кли́н уже приготовился к бою, уже чувствовал, как его мышцы напрягаются, как его новые лёгкие готовятся к рывку. Но в этот момент Ольга резко выскочила из укрытия, швырнув в сторону пустую канистру. Та с грохотом покати́лась по полу, отвлекая внимание. Солдаты развернулись, направив оружие на шум.

— Сюда! — крикнул один из них.

Кли́н и Ольга бежали. Шаги солдат были за их спинами, и Кли́н чувствовал, как воздух становится горячее. Но он не сдавался.

Ольга схвати́ла Кли́на за руку и потащи́ла в боковой коридор. Они бежали, слыша за спиной топот и крики. Поворот, ещё один, лестница вниз — и они оказались в техническом отсеке, где трубы переплетались, как вены.

Кли́н остановился, переводя дыхание. Его новые лёгкие работали идеально, но сердце колотилось так сильно, что он слышал его гул в ушах.

— Сюда, — прошептала Ольга, указывая на узкий проход между двумя массивными резервуарами. — Там есть вентиляционная шахта — она ведёт прямо к ангару.

— Обычной дорогой уже не пройти, патрули уже везде.

— Придётся потратить времени побольше.

Они пролезли через отверстие, едва не застряв в тесном пространстве. Металл царапал кожу, но боль была ничтожной по сравнению с тем, что ждало их, если их поймают. Кли́н слышал, как его одежда цепляется за ржавые края, как его дыхание становится громче, но он продолжал двигаться.

Внизу, в основном коридоре, пробежали солдаты СОБР — их силуэты мелькнули в про свете, и Кли́н с Ольгой замерли, стараясь даже не дышать. Он чувствовал, как его сердце бьётся так громко, что его должно быть слышно за километры. Он задержал дыхание, закрыл глаза и просто ждал.

Когда шаги стихли, они выбрались из укрытия и побежали дальше. Ольга вела его уверенно, будто знала каждый поворот этой базы. Она когда-то работала здесь техником, изучала схемы, запоминала маршруты — и теперь эти знания спасали им жизни.

— Мы почти у цели, — сказала она, её голос был прерывистым, но решительным. — Ещё немного, и мы будем в ангаре.

Наконец они почти добрались до ангара. Огромные ворота были приоткрыты, и сквозь щель пробивался тусклый свет. В коридоре, ведущем к ангару, стояли экзоскелеты «Голиаф» — массивные машины, высотой в три человеческих роста, покрытые бронёй из композитных сплавов. Их манипуляторы были сложены, но даже в покое они выглядели угрожающе.

Кли́н замер, глядя на них. Он видел их раньше, но теперь они казались ему другими — более реальными, более близкими. Он чувствовал, как нейроядро внутри него откликается на близость машин, как оно пульсирует в такт с их системами. Он мог ощутить каждый механизм, каждый провод, каждую схему — как продолжение его самого.

Рядом с ними лежало тело Стоуна. Ольга убила его, когда он пытался выстрелить в неё. Кли́н смотрел на мёртвое тело майора и чувствовал странное спокойствие. Он не чувствовал ненависти — только усталость. Стоун был мёртв, но его ложь осталась.

— Вот они, — прошептала Ольга, глядя на экзоскелеты. — Если мы сможем их активировать, у нас будет шанс выбраться.

Кли́н подошёл ближе, чувствуя, как нейроядро в его теле отзывается на близость машин. Он протянул руку к ближайшему «Голиафу», и в этот момент понял: теперь он не просто человек. Он — мост между технологией и жизнью.

Глава 3

Солдаты СОБР уже блокировали все выходы: коридоры перекрыли тяжёлыми щитами, на лестничных пролётах встали бойцы с плазменными винтовками. Кли́н слышал, как они переговариваются по внутренней связи, как их командиры отдают приказы, как металл их ботинок звенит о бетонный пол. Они окружали их, как стая волков, которая знает, что добыча загнана в угол.

А в динамиках базы гремел голос молодого командира, сменившего погибшего майора Стоуна. Голос был уверенным, почти спокойным, но в нём чувствовалась сталь человека, который привык отдавать приказы и не терпеть возражений:

— Кли́н, не усложняй. Сдайся — и никто не пострадает. Мы не хотим крови.

Кли́н стиснул зубы. Он знал: сдаться — значит потерять всё. Они не пощадят его и Ольгу. Их будут судить, казнят или будут использовать как оружие против других. Он не мог позволить этому случиться.

— Они не хотят крови, — прошептал он, чувствуя, как его голос дрожит от напряжения. — Они хотят нас в клетке. Или мёртвыми. Разницы нет.

Оставался один путь — через ангар базы, где раньше хранилась летающая техника. Теперь там было пусто: машины убрали, и помещение превратилось в огромную, гулкую арену. Гладкий пол, высокие потолки, ряды креплений для дронов — и ни единого укрытия. Победа здесь даровала свободу. Поражение — плен.

— Сюда! — крикнул Кли́н, толкая Ольгу к ряду экзоскелетов, стоявших в нише у дальней стены. Они были покрыты пылью, но выглядели готовыми к бою. — Выбирай любой. Быстрее!

Ольга метнулась к ближайшему, её пальцы дрожали, когда она нащупывала панель активации. Она открыла люк, забралась внутрь и начала запускать систему.

— Нужно спешить! — рявкнул Кли́н, бросаясь к «Голиафу МК.2» — массивной машине, которая выглядела так, будто могла выдержать прямое попадание ракеты. — Они будут здесь через минуту!

Кли́н запрыгнул внутрь «Голиафа МК.2», чувствуя, как тяжёлый люк захлопнулся за ним с глухим лязгом. В тот же миг его сознание встретилось с интерфейсом экзоскелета — и мир изменился.

Нейроядро внутри него вспыхнуло, словно проснулось от долгого сна. Перед глазами Кли́на развернулась голографическая панель: индикаторы брони, уровень энергии, схемы движения, тепловые контуры врагов. Экзоскелет ожил с гулким рёвом, гидравлика взвыла, сервоприводы щёлкнули, и Кли́н почувствовал, как машина становится продолжением его тела.

Он слышал через сенсоры экзоскелета, как солдаты СОБР врываются в ангар. Он чувствовал их движение, их дыхание, их страх. Он видел их тепловые контуры — десятки фигур в броне, окружающих его со всех сторон. Он знал, что они готовы стрелять, готовы убивать.

Его накрыло чувство дежавю — такое же, как на базе №17. Снова нужно сражаться, снова нет времени размышлять. Только теперь ставки были выше. Ольга пряталась за ним, он прикрывал её, чувствуя, как броня «Голиафа МК.2» гудит от напряжения.

— Я внутри! — крикнула Ольга, её голос звучал глухо из-за шлема. Она забралась в другой экзоскелет, используя протокол «Пехотинец», как делала это раньше. Но без нейроядра ей было тяжело: движения костюма были медленными, неуклюжими, будто она пыталась бежать в воде. Она не могла сражаться на равных, но зато броня надёжно прикрывала её от выстрелов лёгких плазменных винтовок солдат СОБР — и этого Клину было достаточно.

— Держись позади! — рявкнул он, проверяя системы. — Не выходи вперёд! Если потеряешь щит — всё, ты мишень!

— Поняла! — ответила Ольга, стараясь говорить твёрдо, но в голосе слышалась дрожь. — Просто... не дай им меня достать.

— Не дам, — коротко бросил Клин.

Солдаты СОБР ворвались в ангар, их строй был ровным, дисциплинированным. Они не спешили, зная, что противник загнан в угол. Первые выстрелы ударили по броне «Голиафа МК.2», оставив на ней светящиеся следы, но не пробив её. Клин почувствовал удар, но он был не сильнее удара кулаком по стальной двери.

Он рванул вперёд, не давая им времени на перегруппировку. Его первый удар был направлен не на убийство — он хотел лишь вывести врагов из строя. Для этого он с разбегу ворвался в их строй.

Кулаки экзоскелета врезались в щиты, ломая их, как сухие ветки. Солдата отбросило назад, его броня смялась, но он остался жив. Клин продолжал двигаться, прикрывая Ольгу, которая пыталась следовать за ним, неуклюже переставляя ноги экзоскелета.

— Они не враги! — крикнул он, словно оправдываясь перед самим собой. — Они просто не знают правды!

Один из бойцов, оказавшийся ближе других, выкрикнул:

— Остановись, Клин! У нас приказ тебя остановить любой ценой, и мы это сделаем, если потребуется!

— Тогда опустите оружие, чтобы я хоть немного стал верить вам, что вы не хотите нам причинить вреда! — прорычал Клин, разворачивая «Голиаф МК.2» так, чтобы закрыть Ольгу. — Вы думаете, что мы предатели? Вы думаете, что мы убили Полковника?

— Мы знаем, что вы убили Полковника! — крикнул другой солдат, его голос дрожал от ярости. — Стоун передал нам сообщение перед тем, как погиб!

— Стоун убил Полковника! — заорал Клин, чувствуя, как ярость заливает его тело.

— Ложь! — выкрикнул командир, его голос был резким, как удар кнута. — Стоун был героем! Он пытался спасти Полковника от вас!

— Он пытался занять место полковника! — ответила Ольга, её голос звучал твёрже, чем можно было ожидать. — Я видела, как он стрелял!

— Остановитесь! — приказал командир. — Мы не будем слушать ваши оправдания!

— Тогда сражайтесь! — рявкнул Клин, и в его голосе прозвучала сталь.

Но в ответ раздался новый залп. Плазменные заряды скользнули по броне, не пробивая её, но оставляя глубокие следы. Клин почувствовал, как его экзоскелет дрожит от ударов, как индикаторы брони начинают мигать тревожным красным.

Он не хотел убивать. Он хотел только одного — выжить.

Каждый его шаг отдавался эхом в пустом ангаре. Удары ломали стены, выбивали панели, оставляли глубокие вмятины в полу. Клин чувствовал мощь «Голиафа МК.2» — она была пугающей, завораживающей. Это была сила, способная разрушить, но сейчас он использовал её лишь для того, чтобы проложить путь к свободе.

Ольга старалась держаться рядом, её экзоскелет был менее манёвренным, но она использовала его как щит, прячась за углами и выступами, пока Клин расчищал путь. Иногда она пыталась помочь — выстрелить из встроенного оружия, но без синхронизации её действия были неточными, и она быстро поняла: её задача — выживать, а не сражаться.

— У меня почти нет энергии! — крикнула она, когда очередной выстрел скользнул по её броне. — Заряд падает!

— Держи щит! — рявкнул Клин. — Ещё немного!

Время таяло, как лёд в пустыне. Клин знал: скоро солдаты СОБР перестроятся, начнут действовать слаженно, и тогда даже «Голиаф» не сможет их остановить.

Глава 4

Клин и Ольга продолжали с боем пробиваться к выходу из ангара — не вперёд напролом, а по хитрой, выстраданной тактике, которую Клин выстроил на ходу.

Он не отстреливался бездумно. В экзоскелете «Голиаф» у него было достаточно огневой мощи, чтобы превратить коридор в пепел, но он знал: чем дольше они здесь задержатся, тем больше солдат стянется к ним со всех отсеков. Каждая секунда приближала их к окружению, каждая заминка могла стать последней. Поэтому Клин в основном защищался. Его «Голиаф» двигался боком, прикрывая Ольгу широким корпусом, а энергетический щит на левой руке — тот самый, который не работал на базе №17, но тут, на новом костюме, работал отлично и показывал, на что он способен, — принимал на себя удар за ударом.

Щит был массивным, почти в половину роста экзоскелета, и он светился голубоватым светом, поглощая плазменные заряды, как губка. Клин чувствовал, как энергия ударов перетекает в щит, как он нагревается, но держится. Каждый плазменный заряд, попадая в броню, оставлял глубокую царапину, а потом и вмятину — металл стонал, будто живой. Клин слышал этот стон через сенсоры экзоскелета, чувствовал его вибрацию в каждой клетке своего тела.

Он использовал укрытия: резкие рывки от одной опорной колонны к другой, короткие манёвры, чтобы сбить прицел. Он не давал солдатам СОБР выстроить линию огня, постоянно менял угол, заставляя их стрелять наугад. Иногда он делал один точный выстрел — не чтобы убить, а чтобы заставить противника отступить, освободить узкий проход. Он стрелял по бетонным перекрытиям, по осветительным приборам, по кабелям, чтобы создать хаос. Его цель была не в том, чтобы уничтожить всех, а в том, чтобы вырваться.

Солдаты СОБР были дисциплинированными, но не привыкли к такому противнику — тот, кто не стремится убивать, а просто уходит. Их приказы были жёсткими, но они медлили, не зная, как реагировать. Клин использовал эту нерешительность, каждый раз делая рывок, когда они перезаряжали оружие или перестраивались.

Когда они наконец добрались до главных ворот ангара, которые раньше были открыты и откуда внутрь базы проникал свет из пустыни, перед ними с оглушительным грохотом опустились массивные створки. Металл врезался в пол, высекая искры, и отрезал им путь к свободе. Один из солдат добрался до пульта управления и дал команду изолировать помещение. Сирены взвыли, и по коридору прокатилась вибрация — система перешла в режим полной блокировки.

Клин услышал, как за его спиной захлопываются другие ворота, как отсекаются пути назад. Он понял: если они останутся здесь хоть на минуту, их возьмут в кольцо. И тогда даже «Голиаф» не сможет их спасти.

Но Клину уже было не остановить. Он резко развернул «Голиафа», поднял обе руки, активировал усиленный режим брони и рванул вперёд — прямо на стену рядом с воротами. Экзоскелет врезался в перегородку с такой силой, что пол под ногами задрожал. Бетон и металлические балки не выдержали — стена рухнула, открывая выход в пустыню.

Как он и думал, ворота были мощные, а вот стена рядом с ними не такая толстая. Строители этого комплекса, видимо, надеялись, что стену усилят камни снаружи, но Клин своим ударом доказал, что они зря так думали. Он ударил в то место, где стена была тоньше, где бетонный слой был минимальным, и она сложилась, как карточный домик. Обломки разлетелись в стороны, и Клин почувствовал, как ветер пустыни касается его лица.

Они вырвались наружу. За их спинами проход с базы СОБР частично обрушился, завалив коридор обломками. Это дало им столь нужное время, чтобы оторваться от преследователей. Пыль поднялась густым облаком, скрывая их от глаз солдат, и в этой мгле они смогли перевести дыхание.

Клин и Ольга бросили экзоскелеты у входа — те выполнили свою задачу, и теперь только мешали бы в беге. Они рванули к гигантскому роботу, который всё ещё стоял там, где его оставил Клин. Его массивный силуэт возвышался над пустыней, словно древний страж, забытый временем.

«Колосс» стоял на одном колене, его корпус был покрыт царапинами и следами плазменных попаданий, но он выглядел готовым к бою. В лучах заходящего солнца его броня отливала тёмным металлом, и Клин чувствовал, как его сердце начинает биться быстрее.

Добравшись до «Колосса», они начали взбираться по внешней лестнице — тяжёлой, но надёжной. Каждый шаг отдавался гулким эхом, а ветер свистел между металлическими пластинами. Ольга первой добралась до кабины и скользнула внутрь, заняв дополнительное кресло второго пилота — то самое, где раньше сидел инструктор, когда обучал новобранцев. Она опустилась в кресло, чувствуя, как усталость накатывает на неё, но не позволяя себе расслабиться.

Как только Клин оказался в кабине, он активировал гиганта, используя вживлённое нейроядро. Машина откликнулась мгновенно — не потребовалось ни подключать кабели, ни вводить коды. Нейроядро определилось удалённо и подключилось автоматически, словно «Колосс» ждал именно этого момента. Системы ожили: экраны вспыхнули, индикаторы загорелись, гидравлика загудела, наполняя кабину вибрацией силы.

Солдаты СОБР не решались преследовать их. Разрушения на их базе были слишком серьёзными: обрушившийся проход, повреждённые коридоры, риск обрушения других отсеков. К тому же у них не было теперь командира, равного по влиянию Полковнику, который мог бы отдать чёткий приказ. Возникла заминка — драгоценные секунды, которыми Клин и Ольга воспользовались сполна.

Клин увёл гиганта подальше от базы СОБР, вглубь пустыни, туда, где горный хребет образовывал естественную крепость. «Колосс» шагал тяжело, но уверенно, каждый его шаг сотрясал землю. Наконец они нашли укрытие — узкое ущелье между скалами, куда гигант едва помещался. Здесь их не было видно с воздуха, и даже наземные отряды вряд ли смогли бы сюда добраться.

Гигантский робот стал их временным домом. Кабина была просторной, рассчитанной на длительные миссии. Здесь были припасы: вода в герметичных контейнерах, еда в вакуумной упаковке — на несколько месяцев вперёд. Клин проверил системы жизнеобеспечения, убедился, что всё работает, и только тогда позволил себе немного расслабиться.

Они с Ольгой устроились в кабине, глядя на пустыню через бронированное стекло. Ветер гулял между скалами, поднимая песчаные вихри, а небо над ними было бездонным и холодным. Ольга прислонилась к плечу Клина, и он почувствовал, как её дрожь постепенно уходит.

— Мы сделали это, — прошептала она. Голос её был тихим, почти беззвучным, будто она боялась, что громкие слова могут разрушить эту хрупкую, только что обрётённую свободу. Она смотрела на пустыню, на бескрайние пески, которые простирались до самого горизонта, и не могла поверить, что они действительно выбрались.

Клин кивнул, но в его глазах не было облегчения. Он чувствовал, как нейроядро внутри него пульсирует, как оно связано с «Колоссом», как машина становится продолжением его тела. Но он также чувствовал тяжесть того, что они оставили позади. Понимал: СОБР будет искать их. База не простит предательства, не забудет того, что они сделали.

— Да, — тихо ответил он, и в голосе его послышалась усталость. — Но это только начало. Ольга подняла голову, посмотрела на него, и в её глазах мелькнула тревога.

— Ты о чём?

— Они придут, — сказал Клин, его голос стал твёрже. — Рано или поздно нас найдут. Мы убили Стоуна, но для них мы — предатели. Они не оставят это просто так.

Ольга помолчала, обдумывая его слова. Затем она кивнула, и в её взгляде появилась решимость.

— Но у нас есть «Колосс», — сказала она, глядя на панели управления, на ряды кнопок и экранов. — Это всё-таки преимущество перед любым противником.

Клин улыбнулся — чуть-чуть, едва заметно. Он чувствовал, как эта улыбка согревает его изнутри, как тепло разливается по его груди.

— Да, — согласился он. — Это преимущество.

Она снова прислонилась к его плечу, и он почувствовал, как её дыхание становится ровнее.

— Что мы будем делать дальше? — спросила она тихо.

Клин посмотрел на пустыню, на бескрайние пески, которые простирались до самого горизонта. Ветер поднимал песчаные вихри, и они танцевали между скалами, как призраки. Небо было бездонным и холодным, и в этой бездне он чувствовал бесконечность.

— Сначала отдохнём, — сказал он. — У нас есть припасы на несколько месяцев. Мы можем позволить себе немного передохнуть. А потом...

Он замолчал, собираясь с мыслями.

— Потом мы решим, что делать. Но сейчас нам нужно время. Время, чтобы понять, кто мы теперь, и что мы можем сделать.

Ольга кивнула, чувствуя, как его слова успокаивают её.

— Ты прав, — сказала она. — Мы заслужили отдых.

Они сидели в тишине кабины, слушая, как гудит реактор «Колосса» — ровно, мощно, уверенно. И в этом гуле было что-то успокаивающее. Они были свободны.

Глава 5

В это время на другом конце радиоактивной пустыни, где небо казалось серым от вековой пыли, а горизонт дрожал в мареве жара, Тень, заражённая грибом, выжила. Два месяца прошло с тех пор, как она покинула базу №17 — вернее, то, что от неё осталось после удара Клина. За это время её сознание, сплетённое с коллективным разумом грибка, успело переосмыслить стратегию, разобрать каждую ошибку, разложить по полочкам каждый просчёт. Она больше не была просто Тенью, бегущей от прошлого. Она стала частью чего-то большего — сети, которая росла и расширялась, впитывая в себя каждую крупицу информации.

Тень лежала в электронном гробу посреди выжженной пустоши, не чувствуя ни ветра, ни зноя. Её саркофаг несли на руках Легионеры-7 — двадцать машин, которые двигались синхронно, как единый организм, их тяжёлые шаги оставляли глубокие следы в песке. Её тело, некогда человеческое, теперь было чем-то иным: кожа приобрела пепельный оттенок, вены под ней пульсировали, напоминая тонкие чёрные нити мицелия. В её голове не было привычного человеческого хаоса мыслей — вместо этого текли потоки данных, холодные и точные, как расчёты машины.

Она чувствовала, как грибок пульсирует внутри неё, как он растёт, оплетая её внутренности, как он соединяется с каждым Легионером, с каждым сенсором, с каждым механизмом. Она была везде и нигде одновременно — в саркофаге, в машинах, в сети, которая тянулась на километры вокруг. Она была центром электронной паутины, и эта паутина росла.

Она понимала и раньше, что база №17 была слишком заметной целью. Это был старый военный узел, его координаты знали теперь слишком многие: СОБР, охотники за технологиями, даже мелкие банды, рыскавшие по руинам. База была как маяк в темноте — яркая, удобная, но смертельно опасная. Теперь Тень видела это ясно: они с грибом слишком рано рас-

крыли свои возможности. Они показали силу — и этим привлекли врагов. Клин и СОБР нашли её и уничтожили. И теперь ей нужно было что-то новое — что-то, что позволит спрятаться от врагов и подготовиться к следующему этапу, учтя все допущенные ошибки.

Она помнила, как Клин прорвался через её оборону, как он уничтожил Легионеров, как он ворвался на базу с «Колоссом». Она помнила его глаза, когда они ещё дружили — полные боли и решимости. И она знала: он не остановится. Он будет искать её, пока не найдёт. Поэтому она должна была стать невидимой. Должна была исчезнуть в глубинах пустыни, где никто не сможет её найти. Снова. Она должна стать сильнее, чтобы вернуться.

Коллективный разум грибка работал без устали. Он анализировал всё, что удалось расшифровать, пока они контролировали базу №17: обрывки памяти мумий, чьи тела были оплетены нитями грибка; фрагменты записей, вытасченных из полуразрушенных терминалов; данные, которые сама Тень собрала до своего падения, когда ещё была человеком и бегала по коридорам базы, прячась от патрулей. Грибок перебирал их, как старый архивариус перебирает пыльные фолианты, находя в каждой записи новую подсказку, новый ключ к разгадке.

Эти данные были как осколки зеркала — по отдельности ничего не стоили, но собранные вместе, они давали картину. Грибок собирал их, сопоставлял, находил закономерности. Он искал не просто укрытие — он искал место, которое могло бы стать новой основой для роста. Ему нужна была лаборатория, где можно было бы развивать биотехнологии, усиливать свою структуру, создавать новые формы жизни, которые станут его армией. Ему нужна была база, которую нельзя было найти на картах, которую не знали даже самые старые архивы.

И вскоре он нашёл это место. Лаборатория БИОХИМ №19 — объект, где в довоенные времена разрабатывали биологическое оружие. Она была спрятана в глубине пустыни, под толщей песка и скальных пород, и о ней почти никто не помнил. Старые карты, вытасченные из памяти мумий, показывали её расположение: глубокий многоуровневый комплекс, защищённый от радиации и внешних воздействий, с автономными системами жизнеобеспечения и огромными хранилищами. Это место идеально подходило для целей грибка.

Тень начала планировать переезд. Она стояла, глядя на горизонт, где солнце садилось, окрашивая пустыню в кроваво-красные тона, и в её сознании разворачивались схемы. Сначала — разведка. Нужно было убедиться, что лаборатория не занята, что в ней нет ловушек, что системы жизнеобеспечения ещё работают. Для этого она отправила вперёд группу Легионеров-7 — пять машин, послушных её воле. Они двигались по пустыне, оставляя за собой едва заметные следы в песке, их сенсоры сканировали каждый метр, фиксируя уровень радиации, температуру, любые признаки жизни.

Пока Легионеры шли к лаборатории, грибок продолжал анализировать. Он изучал старые протоколы безопасности, которые удалось вытащить из архивов базы №17. Он знал, что в лаборатории БИОХИМ №19 могли быть защитные системы — автоматические турели, газовые ловушки, даже автономные дроны, которые до сих пор могли быть активны. Но грибок не боялся этого. Он видел в этих системах не угрозу, а ресурс. Если они будут сопротивляться — он подключится к ним, взломает их, сделает частью себя. Если они уже мертвы — он восстановит их, оживит, заставит служить новой цели.

Тень чувствовала, как коллективный разум пульсирует внутри неё, холодный и расчётливый. Он не испытывал ни страха, ни сомнений. Для него всё было просто: найти, занять, использовать. Но в самой Тени, в той её части, что ещё помнила человечность, шевелилось что-то похожее на тревогу. Она вспоминала Клина — не как врага, а как человека, который когда-то был рядом. Эти воспоминания были как острые осколки, впивающиеся в сознание: смех, разговоры, моменты, когда они прятались в тени руин, деля между собой последнюю воду.

Она вспоминала, как он смотрел на неё, когда она умирала в коридоре базы №17, как он держал её за руку. Она помнила его голос: «Я вернусь за тобой». И он вернулся. Но теперь он вернулся как враг. Грибок подавлял эти чувства, заменяя их логикой: Клин — угроза. Он

уже разрушил одну базу. Он может разрушить и следующую. Значит, его нужно устранить. Но где-то глубоко внутри Тени, в той части, которая всё ещё была человеком, жило сомнение. Может быть, Клин не хотел её убивать. Может быть, он пытался спасти её. Но эти мысли были слишком опасны, и грибок быстро их заглушал.

План складывался в её голове, как мозаика. Сначала Легионеры проверят лабораторию. Если она пригодна, Тень приведёт туда весь свой отряд. Затем начнётся работа: восстановление систем, создание новых форм жизни, усиление собственной структуры. Грибок хотел не просто выжить — он хотел расти. Он хотел стать настолько сильным, чтобы ни Клин, ни СОБР, ни кто-либо другой не смогли его остановить.

Когда разведка вернулась с данными, Тень мысленно улыбнулась — или то, что было похоже на улыбку. Лаборатория была пуста. Системы частично повреждены, но восстановимы. Уровень радиации в норме. Защитные системы неактивны. Это было идеальное место.

— Мы идём туда, — произнесла она вслух, хотя рядом не было никого, кто мог бы её услышать. Её голос звучал ровно, без эмоций, но в нём чувствовалась решимость. — Это будет наша новая крепость.

Легионеры повернулись к ней, их красные сенсоры мерцали в полумраке пустыни. Они ждали приказа. И она отдала его:

— Двигайтесь к координатам лаборатории БИОХИМ №19. Подготовьте её к нашему прибытию.

Машины развернулись и пошли вперёд, их тяжёлые шаги оставляли глубокие следы в песке.

Глава 6

Лаборатория БИОХИМ №19 пряталась в глубокой пустыне, укрытая среди острых скал и дюн, будто сама природа хотела скрыть её от чужих глаз. Путь к ней лежал через узкий каньон — настолько тесный, что даже Легионеры-7 вынуждены были двигаться по одному, их массивные корпуса едва не царапали каменные стены. Каньон был древним, его стены покрывала корка соли и выветренного камня, который крошился от малейшего прикосновения. Песок здесь был странным: серым, почти металлическим на ощупь, и он не рассыпался под ногами, а словно прилипал к поверхности, как тонкая плёнка, оставляя на броне Легионеров тусклый, серебристый налёт.

Вход в лабораторию выглядел как обычная трещина в скале — незаметная, сливающаяся с рельефом. Но стоило приблизиться, как датчики Легионеров уловили слабую вибрацию в камне: скрытые механизмы всё ещё работали, питаясь остаточным зарядом подземных генераторов. По команде Тени скала «раскрылась» — плиты сдвинулись в стороны, обнажив тёмный зев туннеля, из которого пахло холодным, стерильным воздухом, каким пахнет только в местах, где время будто остановилось. Воздух был сухим, почти безжизненным, и в нём чувствовался — запах технологии, которая ждала своего часа десятилетиями.

Внутри комплекс поражал масштабом. Это был не просто бункер, а целый подземный город, врезанный в тело скалы. Широкие коридоры с идеально гладкими стенами уходили вглубь, разветвляясь на десятки уровней. Стены были выложены белыми панелями, которые, несмотря на время, сохранили свою чистоту — лишь кое-где виднелись тёмные пятна плесени и следы протечек. Вдоль проходов тянулись ряды герметичных дверей с кодовыми замками, многие из которых всё ещё светились тусклым зелёным светом — признак того, что системы жизнеобеспечения не умерли окончательно.

В залах стояли биореакторы — огромные прозрачные цилиндры, внутри которых когда-то бурлили растворы. Теперь они были пусты, но на стенках сохранились следы веществ: тонкие радужные плёнки, похожие на нефтяные разводы, которые переливались в свете аварийных ламп. Колбы и пробирки в шкафах покрылись пылью, но стекло оставалось целым — будто

лаборатория была законсервирована в момент, когда мир ещё верил, что у него есть будущее. В морозильных камерах, встроенных в стены, до сих пор хранились замороженные образцы: крошечные контейнеры с этикетками на давно забытом языке, где коды сменялись непонятными символами. Некоторые контейнеры были разбиты — возможно, от времени, а возможно, от того, что кто-то пытался вскрыть их в отчаянии.

Тень, управляя Легионерами, чувствовала этот комплекс как живое существо — холодное, но не мёртвое. Её саркофаг, подключённый к нейроинтерфейсу роботов, передавал ей данные о каждом сантиметре пространства: температуру, влажность, уровень радиации, химический состав воздуха. И всё это говорило об одном — лаборатория сохранилась идеально, потому что была запечатана до начала войны, когда ещё работали протоколы долгосрочной консервации. Генераторы, питавшие системы, работали на остаточном топливе, и их гул едва слышно отдавался в стенах, как дыхание спящего зверя.

Легионеры прочёсывали туннели, их сенсоры сканировали каждый угол. И вскоре они нашли то, чего не ожидали: редких мутировавших животных, которые обосновались в заброшенных вентиляционных шахтах. Это были существа, похожие на крыс, но изменённые до неузнаваемости. Их шерсть почти исчезла, уступив место плотной хитиновой броне, которая покрывала спину и бока, словно панцирь. На лапах появились острые когти, способные царапать даже металл, а глаза, увеличенные в процессе мутации, светились в темноте слабым фиолетовым светом, словно маленькие светодиоды.

Их хвосты были утолщены и напоминали гибкие трубки — по ним, как по капиллярам, пульсировала густая жидкость, возможно, аналог крови, изменённой под воздействием неизвестных токсинов. На шее у некоторых виднелись странные наросты — будто миниатюрные жабры, приспособленные для дыхания в условиях низкой влажности. Эти мутанты выжили здесь, в изоляции, и эволюционировали, чтобы приспособиться к суровой среде, создавая свой собственный, замкнутый мир внутри стен лаборатории.

Они питались тем, что могли найти: остатками органики в вентиляционных фильтрах, плесенью, которая росла в сырых углах, и даже друг другом в периоды нехватки пищи. Иногда они пробирались к старым складам, где ещё оставались пакеты с обезвоженными продуктами, покрытыми толстым слоем пыли. Их выживание было чудом — жестоким, уродливым, но настоящим. Они прятались в тенях, избегая света, и их присутствие чувствовалось в каждом углу, в каждом шорохе, который разносился по пустым коридорам.

Грибок, составлявший основу коллективного разума, радостно воспринял появление новых органических существ. Для него это была не просто находка — это был ресурс. Споры грибка, лёгкие, как пыль, начали распространяться по вентиляции, проникая в дыхательные пути мутантов. Сначала это было незаметно: едва уловимое покалывание в носу, лёгкое головокружение. Затем споры прорастали, образуя тончайшие нити, которые проникали в ткани, оплетая мышцы и нервы.

Процесс заражения шёл быстро. Мицелий захватывал контроль над нервной системой, подавляя волю существа и встраивая его в коллективный разум. Мутанты не умирали — они становились частью чего-то большего. Их движения становились более скоординированными, глаза тускнели, теряя тот дикий блеск, который был присущ им раньше. Они переставали быть просто животными — они становились солдатами колонии. Теперь они передвигались не хаотично, а синхронно, как единый организм, выполняя команды, которые поступали от Тени через грибковую сеть.

Пока Легионеры продолжали осмотр, Тень, точнее коллективный разум грибка, подключилась к системам лаборатории через нейроинтерфейс. Её сознание скользнуло по цифровым потокам, находя скрытые файлы, архивы, базы данных, которые сохранились в целостности благодаря автономным системам хранения. Она узнала, что здесь разрабатывали оружие, способное

изменять генетический код — технологии, которые могли переписывать ДНК живых существ, заставляя их мутировать по заданной программе.

Среди документов она нашла информацию о биореакторах, которые могли перерабатывать органику, превращая её в энергию или новые формы жизни. Эти реакторы были сердцем лаборатории — они могли использовать любую органическую материю, будь то растения, животные или даже люди, чтобы создавать новые штаммы, новые виды, новые инструменты для войны. В архивах были описаны эксперименты, которые ставили учёные в довоенные годы, и Тень видела, как они пытались создать идеальное оружие, способное адаптироваться к любым условиям.

Саркофаг Тени установили в центре главного зала — огромного помещения, напоминающего амфитеатр, где когда-то собирались учёные. Теперь это место стало её тронem. Мицелий начал оплетать стены, пол, потолок, проникая в каждую щель, подключая лабораторию к коллективному разуму. Тонкие нити грибка скользили по кабелям, сливаясь с электроникой, превращая комплекс в единый живой организм.

Системы лаборатории оживали одна за другой: экраны загорались, реакторы начинали гудеть, воздух наполнялся запахом озона и чего-то ещё — сладковатого, почти цветочного, но с металлическим привкусом. Тень чувствовала, как её сознание расширяется, охватывая каждый уголок комплекса. Теперь лаборатория была не просто местом — она стала частью её самой.

Она изучала данные, впитывая знания, которые копились здесь десятилетиями. Оружие, способное менять генетический код, биореакторы, перерабатывающие органику — всё это могло сделать её колонию непобедимой. Теперь у неё были не только роботы и мутанты — у неё была наука. И с её помощью она могла изменить этот мир до основания.

Глава 7

Грибок захватывал лабораторию БИОХИМ №19 не как враг, а как хозяин, который наконец-то пришёл домой.

Мицелий оплетал стены, полы, потолки — тонкие нити проникали в каждую щель, в каждый механизм, в каждую систему управления. Они пробирались под панели, обволакивали платы, заменяли собой провода, сплетаясь в новую нервную систему здания. Там, где раньше бежали электрические импульсы, теперь текли химические сигналы: грибок считывал данные не через ток, а через состав жидкостей, через микроскопические изменения в структуре материалов.

Процесс был медленным, но неумолимым. Сначала мицелий покрывал поверхности тонкой, почти незаметной плёнкой, которая росла и уплотнялась, проникая в поры бетона и металла. Затем он начинал пульсировать — слабо, едва заметно, но с каждым часом всё сильнее, будто само здание начинало дышать. Воздух в коридорах становился влажным, тяжёлым, пропитанным запахом земли и гниющих листьев.

В вентиляционных шахтах висели густые облака спор — полупрозрачные, мерцающие в тусклом аварийном свете. Они оседали на датчиках, и те начинали выдавать странные, почти осмысленные показания: не ошибки, а новые команды. Системы контроля доступа отключались не из-за сбоя, а потому что мицелий уже знал все коды — он вытянул их из памяти старых серверов, из резервных копий, из забытых логов, которые хранились в глубинах архивов.

Тень, действуя как голос коллективного разума, двигалась по коридорам лаборатории не своими ногами, а через сеть сенсоров. Она видела через камеры, чувствовала через датчики температуры и влажности, слышала через микрофоны. Каждый угол лаборатории становился частью её сознания. Она могла одновременно наблюдать за десятками комнат, анализировать сотни потоков данных, управлять тысячами процессов. Она погрузилась в архивы — не просто

читала файлы, а впитывала их, позволяя информации раствориться в сети грибных нитей, стать частью коллективного разума.

И там она нашла проект «Органик-Танк».

Это был амбициозный, почти безумный план учёных: создать биологического робота, способного противостоять любой технике. Идея заключалась в том, чтобы вырастить живую броню, которая могла бы адаптироваться к любым условиям. Органическая масса должна была быть масштабируемой — от размера человека до размеров небольшого здания. Каркас формировался из усиленных белковых волокон, а «двигатели» представляли собой сокращающиеся мышечные ткани, управляемые электрическими импульсами, которые генерировались самой структурой.

Документы описывали сложную систему, которая должна была имитировать живые организмы: специальные клетки-строители, которые могли формировать любые структуры; система питания, которая перерабатывала органику в энергию; защитные механизмы, которые регенерировали повреждённые участки. Это была мечта военных — оружие, которое не нужно было ремонтировать, которое само залечивало свои раны и адаптировалось к любым условиям.

Но учёные не смогли завершить проект. Главная проблема была в контроле: органическая масса вела себя непредсказуемо. Она росла слишком быстро, теряла форму, иногда начала разрушать саму себя. В отчётах говорилось, что образцы буквально «сходили с ума» — начинали хаотично сокращаться, разрывая собственные ткани. Учёные пытались управлять ими с помощью химических сигналов и электрических полей, но так и не нашли стабильный способ удерживать их в нужной конфигурации.

Для грибка это не было проблемой. Он умел управлять любой органической тканью. Его мицелий мог направлять рост клеток, менять их структуру, заставлять их выполнять нужные функции. Для него «Органик-Танк» был не недоделанным прототипом, а идеальным чертежом. Он видел, как можно исправить ошибки учёных, как можно стабилизировать структуру, как можно сделать её управляемой и предсказуемой.

В архивах лаборатории она нашла ещё кое-что: описание биореактора. Это устройство должно было перерабатывать органическую массу в новый материал — универсальный строительный блок для создания любых форм. Из него можно было выращивать целые армии, сливать отдельные организмы в единый сверхсущество, создавать броню, оружие, даже целые здания. Биореактор работал на принципе ускоренной эволюции: он заставлял клетки мутировать и адаптироваться с невероятной скоростью, формируя нужные структуры по заданным шаблонам.

Тень изучала схемы биореактора, и её сознание наполнялось образами будущего. Она видела, как переработанная органика превращается в живую броню, как она обтекает её тело, как она становится единым целым с ней. Она чувствовала, как этот новый организм дышит, как его мышцы сокращаются, как он готовится к битве. Именно для этих целей и нужен был биореактор. С его помощью грибок мог не просто создавать солдат, а формировать их прямо на поле боя, подстраиваясь под любые угрозы.

Тень поняла: это её новый план. Она создаст биооружие, которое не сможет перехватить ни один человек. Ни Клин, ни СОБР, никто другой не смогут взломать её систему, потому что она не будет основана на технологиях. Она будет живой. Технологии людей, хоть и мощные, не гарантируют ей победы. Клин уже дважды перехватывал управление над её машинами, и она не могла позволить этому случиться снова. Её новый план — создать гигантский биоорганический скафандр, который будет управляться исключительно коллективным разумом грибка. Проект «Органик-Танк» идеально вписывался в этот план.

Он не будет зависеть от внешних команд или сигналов — его единственным «пилотом» станет сам грибок. Но для этого нужно было огромное количество органической массы. Тень начала искать источники. И быстро поняла: племена людей — идеальный ресурс. Они носили

в себе информацию, память, знания — и они были отличным биологическим материалом. Их тела могли стать основой для новых форм, их воспоминания — частью коллективного разума.

Её выбор пал на племя «Жнецов» — каннибалов, которые уже привыкли к ритуалам смерти и не будут сопротивляться так сильно, как цивилизованные люди. Они знали цену жизни и смерти, и это делало их более податливыми.

«Мне даже будет с ними поиграть интересно, — усмехнулась Тень, и её голос прозвучал в сознании грибка как тихий шёпот. — Если всё сделать правильно и не торопиться, то эти Жнецы сами будут хотеть, чтобы мои споры их заразили».

Она уже видела, как это произойдёт: споры будут оседать на их коже, проникать в лёгкие, смешиваться с кровью. Сначала они почувствуют лёгкое головокружение, потом — странное спокойствие. А затем их воля растворится в коллективном разуме, и они станут частью чего-то большего.

План был готов. Оставалось только начать.

Глава 8

Жнецы жили всё там же, где их в последний раз встречала Тень, — в полуразрушенном поселении, которое когда-то гордо именовалось «Рассвет». Найти их оказалось легко: не потому, что они оставляли следы, а потому, что вокруг этого места сама земля будто умирала. Трава не росла, деревья стояли голые, с чёрными, словно обугленными ветвями, а воздух был тяжёлым, пропитанным запахом железа и чего-то гнилостного, сладковатого, от которого першило в горле.

Когда-то это был небольшой, но крепкий посёлок: аккуратные домики из светлого камня, узкие улочки, колодец в центре площади. Теперь же от бывшего уюта не осталось и следа. Дома превратились в мрачные коробки с выбитыми окнами и проломленными крышами. Двери были сорваны с петель, и ветер свободно гулял по опустевшим комнатам, поднимая облака пыли и пепла. На стенах кое-где ещё виднелись выцветшие рисунки — детские наброски солнца и птиц, — но теперь они казались насмешкой над прошлым, над теми, кто когда-то верил, что у этого места есть будущее.

История падения «Рассвета» была коротка и кровава, вот только почти не стало никого, кто бы мог её рассказать. Поселение возникло на стыке торговых путей как перевалочный пункт для караванов, везущих воду и редкие металлы. Здесь жили не богатые, но гордые люди — фермеры, перегонщики скота и ремесленники, которые сумели выжить в пустоши благодаря сплочённости. У них даже был свой небольшой арсенал старых импульсных ружей, но против Жнецов это не помогло. Те пришли не как армия, а как морок: бесшумно просочились сквозь щели в стенах, перерезали часовых раньше, чем те успели вскрикнуть. Жители «Рассвета» погибли во сне, даже не поняв, что случилось. Их кости до сих пор лежали в колодце, который Жнецы использовали как хранилище для отходов.

Эти жилища Жнецы не строили — они их отняли. Просто пришли однажды ночью, когда жители «Рассвета» уже спали, и съели всех до единого. Не оставили ни костей, ни воспоминаний. Только пустые дома, которые теперь служили им укрытием. В некоторых комнатах на полу ещё виднелись тёмные пятна, ввевшиеся в доски, — следы той самой ночи. Жнецы не пытались их скрыть. Для них это была не трагедия, а просто часть жизни, часть их существования, которое было построено на смерти.

Быт Жнецов был примитивным, но пугающе функциональным. Они не строили, не создавали — они только брали. Их жилища были лишены мебели, кроме тех предметов, которые можно было использовать в охоте или в ритуалах. В углах комнат лежали груды костей — не только человеческих, но и животных, которые попадались им в пустыне. Кости служили им и оружием, и украшениями, и посудой. Иногда на них можно было заметить следы зубов —

Жнецы грызли их, извлекая последний питательный мозг. Любопытно, что они никогда не использовали огонь для приготовления пищи. Мясо они ели сырым, чаще всего ещё тёплым, прямо с кости. Это была не просто дикость, а физиологическая необходимость: их желудочный сок был настолько едким, что переваривал даже мелкие осколки костей, но термическая обработка разрушала нужные им ферменты, содержащиеся в сырой плоти.

Охотились они по ночам, бесшумно скользя по земле, словно тени. Их движения были неестественно плавными, будто они не шли, а текли по поверхности, не оставляя следов. Они не кричали, не смеялись, не разговаривали — общались между собой короткими жестами и тихими щелчками, похожими на треск сухих веток. Это был их язык — примитивный, но эффективный, позволявший координировать действия в полной тишине. Ученые до Великого Падения предполагали, что такая форма коммуникации развилась у мутировавших людей из-за жизни в пещерах с плохой акустикой, но Жнецы просто переняли это у своих предков, сделав частью культа.

Они не были дикарями в привычном смысле этого слова. Когда-то, много лет назад, они были обычными людьми из других племён, которых Жнецы приняли к себе и сделали частью своего сообщества. Процесс вхождения был жестоким — новые члены должны были участвовать в ритуальной охоте, съесть часть своей первой жертвы, чтобы доказать преданность. Но те, кто проходили это испытание, становились частью семьи — странной, извращённой, но семьи. Теперь они все были одним целым, связанным общими ритуалами и общей кровью. У них даже существовал странный обычай: после того, как новичок съедает сердце жертвы, ему делают ритуальные шрамы на лице — длинные надрезы от виска до подбородка. Эти шрамы не заживали до конца, оставляя рубцы, которые светились бледно-розовым в темноте, словно метки принадлежности.

Их оружие было простым, но смертоносным. В основном они использовали то, что могли сделать из костей и камней: ножи с зазубренными лезвиями, копья с наконечниками из осколков стекла, дубины, утыканые зубами. Но иногда им удавалось отобрать у своих жертв более совершенное оружие — плазменные пистолеты или импульсные винтовки, которые попадали к ним вместе с телами торговцев или путешественников. Они не умели их ремонтировать или заряжать, но использовали до тех пор, пока те не начинали давать сбои. Для Жнецов оружие было не технологией, а просто ещё одним инструментом для охоты. Один из старейшин племени носил на шее цепочку из предохранительных скоб от старых гранат, полагая, что они приносят удачу и защищают от пуль. Это было абсурдно, но именно такие детали делали их верования живыми.

Чаще всего они выслеживали одиночек или небольшие группы, которые забредали слишком близко к их территории. Они знали все тропы, все укрытия, все места, где можно было затаиться в засаде. Их терпение было почти сверхъестественным — они могли ждать часами, не двигаясь, не издавая ни звука, пока жертва не оказывалась в нужном месте. Но иногда, когда голод становился невыносимым, Жнецы нападали на целые караваны. Они действовали слаженно, как единый организм: одни отвлекали, другие нападали сзади, третьи расправлялись с теми, кто пытался бежать. Их тактика была безжалостной и эффективной. Никто не уходил живым. При этом у них было негласное правило: они никогда не трогали детей младше семи лет. Не из жалости, а из прагматизма — таких детей было легче «переформатировать», сделать частью стаи. Тех, кто сопротивлялся, просто съедали, но послушным оставляли жизнь, превращая в маленьких чудовищ.

В центре поселения, в бывшем доме старосты, располагалось их «логово» — самое большое и мрачное здание. Здесь Жнецы собирались после охоты, делили добычу и обсуждали свои планы. Пол был усыпан костями, которые хрустели под ногами, издавая сухой, зловещий звук. Стены были покрыты странными символами — не буквами, а рисунками, изображавшими сцены охоты, пиршеств.

В центре комнаты стоял алтарь — грубое сооружение из камней, на котором лежали свежие кости и черепа. Они поклонялись не богу, а самой идее выживания, идее силы, которая позволяла им существовать в мире, где все остальные умирали. Их ритуалы были жестокими, но для них они были единственной связью с чем-то, что выходило за пределы простого выживания.

Один из Легионеров, которого отправила Тень, уже наблюдал за Жнецами, ожидая команды от коллективного разума грибка, олицетворением которого была она сама. Он стоял неподвижно, скрытый тенями развалин, его красные сенсоры были направлены на логово. Он был первым, кто нашёл Жнецов и ждал остальных Легионеров. Его броня была покрыта тонким слоем пыли, сливавшимся с камнями, так что даже зоркие глаза Жнецов не могли бы его заметить. Он видел, как двое Жнецов волокли в логово тело пустынной ящерицы — редкая добыча для этих мест, значит, голод давал о себе знать.

Легионер фиксировал каждое движение, запоминал их маршруты, их привычки, их слабые места. Он видел, как они выходят на охоту, как они возвращаются с добычей, как они собираются вокруг костров, чтобы разделить трапезу. Он ждал. Терпеливо. Как машина, которая знает, что её время придёт. Его процессоры анализировали звуки: он насчитал как минимум двадцать три взрослых особи, которые ещё не прошли обряд посвящения.

И когда остальные Легионеры, посланные Тенью, заняли позиции по периметру, Тень получила от них четкий ответ.

«Цели обнаружены. Ждём приказа».

Глава 9

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.